

Важно отметить, что только Суд ЕАЭС наделен разъяснительной компетенцией, направленной на создание условий для единообразного применения договоров, т. е. выполняет правотолковательную деятельность и задачу интеграции. Кроме того, толкование норм права может осуществляться Судом и в процессе разрешения споров. По справедливому мнению А. Г. Тунян следовало бы предусмотреть правовую возможность для Суда в резолютивной части судебного решения закреплять уточняющие модели поведения, что могло бы внести определенность в правовую систему сообщества и положительно сказаться на развитии права ЕАЭС.

Таким образом, правосудие в ЕАЭС реализуется через деятельность Суда ЕАЭС, который обеспечивает единообразное толкование и применение норм права Союза, что способствует гармонизации правоприменительной практики и укреплению правопорядка. В связи с этим важной задачей является обеспечение автономности права ЕАЭС и его приоритета над национальными правовыми системами в целях создания единого правового пространства и эффективного функционирования интеграционных процессов в рамках Союза, что, в свою очередь, требует скоординированных усилий и сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС для их успешного разрешения и укрепления правовой системы Союза. Наряду с этим можно отметить, что меры по улучшению доступа к правосудию для граждан государств – участников Союза, а именно обеспечение правовой помощи, например, создание специализированных юридических консультаций; цифровизация судебных процессов, позволят создать более доступную и справедливую систему правосудия в ЕАЭС, что будет способствовать защите прав всех граждан государств-участников и укреплению правопорядка в Союзе.

Кульша Е. Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

*Кульша Елизавета Юрьевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, likyza22@gmail.com*

Научный руководитель: магистр юрид. наук, ст. преподаватель Шевко Н. М.

При складывающейся ситуации в мировом сообществе, вопрос международно-правовой защиты детей в период вооруженных конфликтов не теряет своей актуальности. Официальная статистика Организации Объединенных Наций наглядно иллюстрирует недостаточную эффективность принимаемых мер и используемых механизмов, призванных обеспечить безопасность жизни и здоровья детей во время военных действий.

Так, в период с 2005 до 2022 г. Организацией Объединенных Наций было подтверждено 315 тысяч серьезных нарушений прав детей в условиях вооруженного конфликта. С 2005 г. во всем мире в результате войн на всех континентах по меньшей мере 120 тысяч детей, т. е. в среднем почти 20 детей в день, были убиты или получили увечья. Не менее 105 тысяч детей

завербованы или используются вооруженными силами и вооруженными группами. Более 32,5 тысяч детей похищены и более 16 тысяч детей подверглись сексуальному насилию.

При характеристике международно-правовой защиты детей в период вооруженных конфликтов в первую очередь необходимо исходить из их особого статуса как наиболее уязвимой категории. Конвенция о правах ребенка 1989 г. закрепила особый статус детей в целом и в период вооруженных конфликтов в частности. Так, преамбула конвенции закрепляет, что «дети имеют право на особую защиту и помощь». Такой подход обусловлен тем, что в силу возраста, а также интеллектуальной и физической незрелости дети не способны самостоятельно реализовать свои права и защитить себя от противоправных действий. Помимо этого, психика ребенка является крайне неустойчивой ввиду внешних факторов, влияющих на нее.

Во время вооруженных конфликтов дети находятся под покровительством Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения (далее – IV Женевская конвенция 1949 г.), а также Дополнительных протоколов к ней.

Исходя из содержания данных актов, мы можем классифицировать международно-правовую защиту детей следующим образом: 1) общая защита детей как лиц, входящих в категорию гражданского населения; 2) специальная защита детей, обусловленная их особым статусом.

Наиболее проблемным вопросом при осуществлении охраны детей в период вооруженных конфликтов является установленный ограничитель возраста, при котором ребенок имеет право на особую защиту. Так, IV Женевская конвенция 1949 г. содержит нормы о том, что дети до 15 лет и матери детей до 7 лет подпадают под категорию гражданского населения, для которых могут создаваться специальные санитарные или безопасные зоны. Таким же образом решен вопрос эвакуации из осажденных или находящихся в окружении зон. Учитывая тот факт, что в большинстве стран мира возрастом совершеннолетия является 18 лет, а в отдельных странах – 21 год, целесообразным является повышение возраста до 18 лет, главным образом обусловленное особенностями физического, интеллектуального и психологического развития ребенка.

Одним из механизмов защиты детей в период вооруженных конфликтов является эвакуация. Рассматривая данный способ защиты, необходимо отметить, что ст. 78 Дополнительного протокола I к IV Женевской конвенции 1949 года закрепила, что при отсутствии неотложных причин, ни одна сторона, находящаяся в конфликте, не должна принимать мер по эвакуации детей, кроме собственных граждан, в иностранное государство. Исходя из содержания данной нормы, эвакуация, как механизм защиты детей в период вооруженных конфликтов, применяется постфактум, т. е. в целях устранения последствий военных действий.

Однако эвакуация представляется наиболее эффективным и максимально обеспечивающим защиту жизни и здоровья детей механизмом. Только эвакуация в безопасную зону способствует снижению уровня пострадавших в результате военных действий. По этой причине данный

механизм необходимо применять как превентивную меру, предохраняющую от возможности посягательства на жизнь и здоровье детей, как наиболее уязвимой и незащищенной категории гражданского населения.

Таким образом, закрепление особого статуса и регламентация прав детей в международных актах не является сдерживающим фактором от посягательств на их жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность. Наиболее рациональным решением данной проблемы может стать непосредственная эвакуация детей в безопасные зоны. При этом необходимо помнить, что защита детей на международно-правовом уровне в период вооруженных конфликтов не решит проблему их незащищенности, если соответствующие меры не будут приниматься на нижестоящих уровнях, вплоть до института семьи, который в первую очередь несет ответственность за безопасность ребенка.

Лёвкин Г. А.

**СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА
ООН: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СУДА К ВЫНЕСЕННЫМ РЕШЕНИЯМ
(ОПРЕДЕЛЕНИЯМ) СУДА**

Лёвкин Глеб Андреевич, студент 3 курса Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь, gleblevkin273gmail.com@mail.ru

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Петровский Н. А.

Учрежденные 17 июля 1998 г. нормы Римского статута Международного уголовного суда ООН (далее – Статут МУС), ознаменовали, с нашей точки зрения, принципиально новый подход к установлению на международно-правовом уровне развития государств – участников ООН основного правового источника англо-саксонской правовой семьи – «судебного прецедента», поскольку позволили осуществлять процесс систематизации материалов уголовных дел о преступлениях (с приложенным к таким материалам копией судебного решения МУС), непосредственно отнесенных к юрисдикции МУС, в единый кодификационный, носящий обязательный характер исполнения для государств, подписавших и ратифицировавших нормы Римского статута МУС, судебным актом: «судебный прецедент МУС о порядке правового разрешения индивидуального преступления международного характера, совершенного физическим лицом».

Обратим внимание на норму ч. 1 ст. 4 Статута МУС: «Суд обладает международной правосубъектностью». Эта норма, по нашему мнению, определяет, что положения рассмотренных Судом материалов уголовных дел в отношении индивидуальных физических лиц и постановленный обвинительный приговор с назначенной Судом мерой уголовного наказания, распространяют юридическую силу на все государства – участники МУС, что обуславливает возникновение юридического факта о необходимости исполнения назначенного Судом наказания в отношении осужденного.